

Д. В. Деопик, С. В. Кулланда

Простейшие признаки яванского эпиграфического массива VII – начала X в, как источник по истории раннесредневековой Явы

Эпиграфика – важнейший источник, по истории раннесредневековой Явы. Ее анализ представляет большой интерес как для источникововедения, так и для, исследования исторических процессов. Авторам представляется целесообразным начать системный источниковедческий анализ опубликованных в той или иной форме надписей с рассмотрения признаков эпиграфического массива, которые традиционно считались менее информативными. Речь идет о пространственном и временном распределении, языке, материале. Исследование этих однозначно воспринимаемых признаков уменьшает вероятность субъективного истолкования источников, тем более что (при анализе используются количественные оценки. Изучение собственно текстов удобнее начать, получив некоторые характеристики на простом материале.

В статье рассмотрены определенные тенденции развития яванского общества VII – начала X в. и намечена периодизация раннего этапа истории Явы на основе эпиграфики. Изучаемые признаки содержат, как будет показано ниже, информацию о социально-экономических и этнических процессах, о событиях политической истории и т. д.

В большинстве надписей речь идет о земельных операциях (дарение земель, освобождение от налогов и т. д.). Встречаются также надписи об основании храмов, надписи – судебные документы. Мы пользовались, как правило, надписями, в тексте которых имеется точная дата, что повышает надежность выводов¹.

Яванские надписи выполнялись на каменных плитах (стелах), медных табличках, межевых столбах, лингах, статуях и некоторых других предметах. Как правило, надписи были обнаружены *in situ*. Сбор и изучение надписей начались с конца XVIII в., с образованием Батавского общества искусств и наук.

Анализ географического и временного распределения надписей не есть нечто принципиально новое. Впервые на яванском материале (тогда еще немногочисленном) подобную работу проделал известный голландский ученый Р. Д. М. Фербек в 1891 г. В 1911

¹ Источниками при написании работы и составлении таблиц служили публикации надписей [8: 11; 13; 14), а также списки надписей, составленные Н. Й. Кромом [12] и Л. Ш. Дамэ [9].

г. Н. Й. Кром вновь обратился к пространственно-временным характеристикам массива яванских надписей и привлек для этого новый материал. В работе «Датированные надписи Явы» Кром сделал ряд интересных наблюдений и пришел, в частности, к следующему выводу: «При условии осторожного использования из датировок можно почерпнуть достаточно важные указания для попыток реконструкции прошлого Явы» [12, с. 241]. Но после этого попытки систематизировать такого рода-характеристики не предпринимались. Л. Ш. Дамэ, составивший чрезвычайно ценный «Список основных датированных надписей Индонезии» (включивший многие неизвестные Крому надписи), не ставил своей целью сделать на его основании какие-либо выводы. Между тем комплексное изучение пространственно-временных признаков существующего массива надписей может представить немалый интерес как для источниковедения, так и для изучения исторических процессов.

Поскольку в данной работе используется методика количественного анализа, необходимо учитывать, что сохранившиеся исторические документы являются лишь выборкой из генеральной совокупности² (в нашем случае генеральной совокупностью являются все изготовленные надписи), причем априорно считать эту выборку репрезентативной неправомерной³. Для проверки гипотезы о том, что выборка репрезентативна и появление новых надписей (случайно находимых в разных частях Явы) существенно не изменит наблюдаемого соотношения ранних и поздних; восточно- и центральнаяванских надписей и т. д., были сопоставлены при помощи статистического метода «критерий знаков»⁴ два имеющихся в нашем распоряжении списка надписей (разрыв во времени их составления – 40 лет).

Найденные в 1911—1951 гг. новые надписи распределились по районам и периодам так же, как и найденные ранее, что бывает в тех случаях, когда основные характеристики массива уже отражены в предыдущих выборках, а новые выборки лишь подтверждают данные прежних. Кроме того, были рассчитаны доверительные интервалы для сравнения количественных показателей, что позволило уменьшить вероятность произвольной интерпретации.

² В настоящее время в архивах хранится около 3 тыс. надписей VII – XV вв., но опубликовано примерно десятая часть [7].

³ См. об этом [1].

⁴ О «критерии знаков» см. [6, с. 254–260), о применении его в исторических исследованиях см. [5, с. 199].

Прежде чем перейти к анализу массива, отметим, что изучение всех интересующих нас признаков (дата, место обнаружения, материал, язык, сохранность) возможно лишь для надписей, опубликованных полностью. Что касается надписей, не опубликованных или опубликованных в труднодоступных изданиях, то в этом случае пришлось ограничиться далеко не полными данными из списков, составленных Кромом и Дамэ⁵, и отрывочными сведениями, содержащимися в различных работах⁶. Поэтому общее число надписей, изучаемых по каждому из признаков, может колебаться от 80 для признака «сохранность» до 110 для «временного распределения» (табл. 1–5).

Выше говорилось, что исследуются лишь некоторые характеристики эпиграфического массива. Какая же историческая информация содержится в изучаемых нами признаках? Наиболее существенно следующее. Поскольку надписи, «как правило, сообщают об экономических операциях, то очевидно, что наличие или отсутствие надписей в том или ином районе в то или иное время может свидетельствовать об определенных социально-экономических и политических процессах. Материал надписей, как и их язык, зависит от особенностей культуры данного периода или района или от специфики данного типа документов и характеризует эти особенности.

Применяемая методика позволит оценить степень экономической и политической активности яванского общества на протяжении всей изучаемой эпохи (VII – начало X в.) в целом и отдельных ее периодов (по всей интересующей нас территории и в отдельных ее районах) и на этой основе предложить предварительную периодизацию истории изучаемых областей и вы делить внутри их важнейшие экономические районы. Будет по казано перемещение центра этой активности из одних районов в другие и выявлена культурная специфика отдельных районов и периодов.

После анализа всех упомянутых признаков выяснилось, что один из них (временное распределение) делит массив на большие, ярко выраженные группы, в то время как остальные выделяют только часть тех же групп. Поэтому рассмотрение мы начинаем с временного распределения.

⁵ Так, в списке Крома отсутствуют данные о языке надписи, а в списке Дамэ – о месте обнаружения (указывается лишь: на Центральной или на Восточной Яве была найдена соответствующая надпись). В обоях списках нет данных о сохранности надписей.

⁶ Например, Бухари [8] перечисляет все обнаруженные к тому времени малайскоязычные надписи Явы, однако о других признаках этих надписей в статье не упоминается.

Временное распределение надписей. Анализ массива по этому критерию даст возможность выделить периоды большей и меньшей интенсивности появления надписей. Эта периодизация будет использована в дальнейшей работе как первоначальная гипотеза⁷.

На графике накопления числа надписей под «каждым годом помещены в отличие от таблиц все датированные с точностью до года надписи от начала эпохи до данного года, опубликованные в той или иной форме в настоящее время для времени 732⁸ – 928 гг. Началом рассматриваемого отрезка времени мы считаем начало массового появления надписей, а концом – конец существования государства с центром в данном районе и перенос центра политической и, скажем, забегая вперед, экономической активности в районы, расположенные на 200 – 250 км восточнее. Четко видны три периода: первый – медленного и не очень равномерного увеличения числа надписей (732 – 841 гг.); на смену ему практически без постепенного перехода приходит второй период, – интенсивного и равномерного увеличения числа

Таблица №1 Общее число надписей по периодам

Период	Дата	Продолжительность	Число надписей	
			за весь период	На год
Первый	до 841 г.	110	11	0,1
Второй	842 – 882	41	49	1,1
Переходный	883 – 898	16	7	0,5
Третий	899 – 928	30	39	1,3

надписей (842—883 гг.); новый период столь же высокой интенсивности – третий (899 – 928 гг.). Между вторым периодом и новой полосой высокой интенсивности лежит временной отрезок (883 – 898 гг.), так слабо обеспеченный надписями, что мы выделяем его в особый промежуточный период⁹ расчлняя тем самым на две части время высокой интенсивности (табл. 1).

⁷ Обращение к временному распределению надписей позволяет увидеть, большой разрыв во времени между надписями середины V в. и последующими документами, первый из которых относится к началу VII в. н. э. Все четыре надписи середины V в. н. э. отличаются от остальных яванских надписей и по многим другим параметрам (в том числе по содержанию и пространственному распределению); представляя собой, таким образом, иной массив, они далее рассматриваться не будут.

⁸ 732 г. датируется первая яванская надпись, в тексте которой имеется точная дата.

Из графика очевидно различие темпов накопления надписей в первом периоде, с одной стороны, и во втором и третьем – с другой. Естественно, что более ранних надписей должно быть меньше, чем более поздних, при условии, что рассматриваемое нами время, включающее в себя начало традиции эпитафии, не включает период ее исчезновения (в этом последнем случае поздних надписей становится все меньше). Общие знания об эпитафии свидетельствуют, что до конца функционирования эпитафии и даже до периода ее максимального расцвета далеко. Число надписей растет (наличие промежуточного периода этому не противоречит, поскольку необычно малое число надписей, по-видимому, являлось следствием временного воздействия какого-то фактора, пока нам неизвестного), но темпы роста числа надписей в первом периоде принципиально отличаются от таковых во втором и третьем. Очень малое число надписей первого периода вряд ли может быть объяснено худшей сохранностью, поскольку в таком случае переход от первого ко второму периоду был бы постепенным. Видимо, социально-экономическая ситуация первого периода была несколько иной, практика земельных дарений (которым в основном посвящены надписи) еще не была развита.

Характерны и большой временной разрыв внутри первого периода, и неравномерное распределение числа надписей внутри этого периода (относительно большое число надписей, появившихся в 20-х годах IX в.). Сопоставление этих обстоятельств с другими данными позволит считать их неслучайными.

⁹ Заранее скажем, что в нем представлены черты, характерные и для второго и для третьего периодов, поэтому относить эти годы к одному из них было бы нецелесообразно.

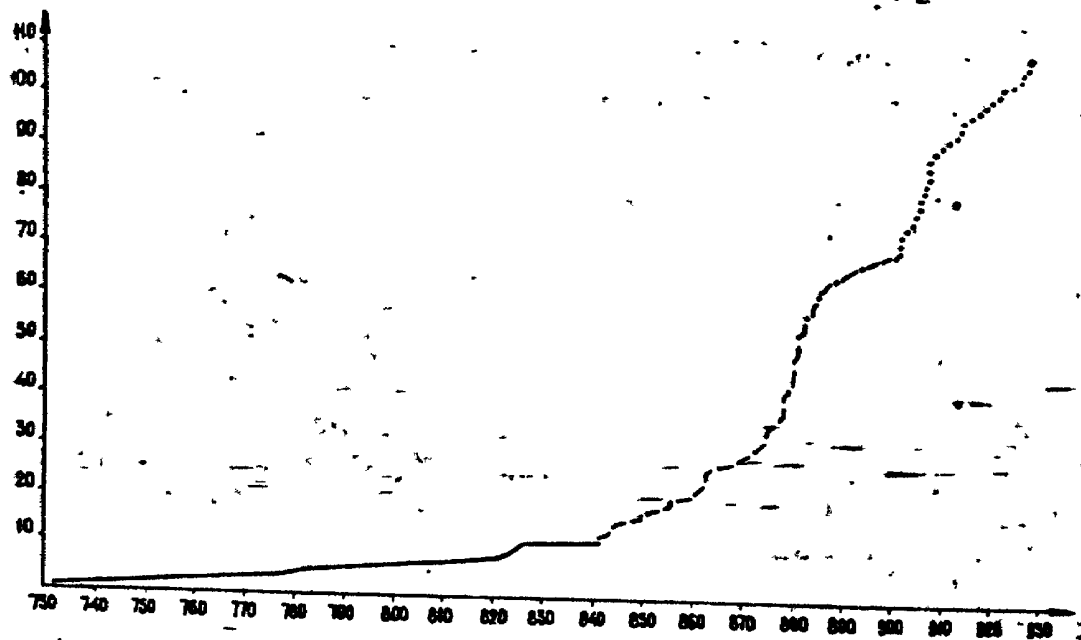

График. Временное распределение древнеяванских надписей (VIII — начало X в.)
Масштаб: 0,5 мм = 1 год = 1 надпись

Второй и третий периоды резко отличаются от первого и по структуре временного распределения. Здесь мы наблюдаем непрерывный количественный рост надписей с начала и

конца каждого из этих периодов. Следовательно, это время более развитого общества с большим числом документов о дарениях и земельных владениях. По признаку временного распределения эпиграфики они практически идентичны, но промежуток между ними достаточно заметен (он равен по времени полови не следующего периода).

Отмеченные подъемы и спады (см. график), по-видимому, отражают некоторые социальные изменения, поскольку они, говорят об уровне экономической активности общества на достаточно длительных отрезках времени. Применительно к условиям средневековой Юго-Восточной Азии, где большинство дарений санкционировалось

центральной властью, соответственно можно говорить и о периодах централизации и политической не стабильности.

Географическое распределение. Рассмотрим географическое распределение надписей в соотношении с ранее выделенными периодами. Выше было показано, что имеющееся число надписей образует достаточно репрезентативную выборку. Следовательно, пространственное распределение доступных исследователям надписей отражает исходное распределение надписей в изучаемой среде, поэтому районы, где в тот или иной период локализуется наибольшее число надписей, являются с высокой долей вероятности районами наиболее массовых земельных раздач. Цель изучения пространственных характеристик (как самих по себе, так и в связи с временными характеристиками) – выделение ареала надписей, а внутри него – аграрных районов наиболее важных для развития феодальных отношений, анализ интенсивности земельных раздач в них и эволюция этой интенсивности в пространстве и времени.

Изучаемая территория (современной провинции Центральная и Восточная Ява) была разделена нами на районы распространения надписей. Эти районы (земледельческие, что естественно, поскольку надписи посвящены аграрным отношениям) представляют собой, как правило, плодородные равнины, раз деленные горами. Границы современных административных единиц – резидентств – практически не пересматривались с того времени, как они исторически сложились в соответствии с чисто аграрной экономикой. Таким образом, границы районов распространения надписей совпадают с границами тех или иных административных единиц, и мы можем использовать при изучении пространственного распределения эпиграфики современное административное деление.

Большинство резидентств не подвергалось в данной статье более дробному делению. Однако резидентство Кеду, явно состоящее из естественных географически разграниченных зон, было разделено авторами на соответствующие зоны, которые рассматривались как самостоятельные районы распространения надписей. Было выделено четыре таких района. Они также в основном совпадали с традиционными административными единицами, но более мелкими – кабупатенами (кабупатены Вонособо, Теманггунг, Магеланг и район Центрального и Южного Кеду, примерно соответствующий ранее существовавшему резидентству Багелен). В географическом отношении выделяются кабупатены Вонособо и Теманггунг, расположенные в гористой местности, неудобной для земледелия. Территорию кабупатена Магеланг характеризует применявшийся для ее

обозначения голландцами термин «высокая равнина». Это плодородный рисоводческий район, один из основных на Яве, он орошается водами р. Прого, что сближает его территорию с территорией Джокьякарты, также относящейся в основном к бассейну Прого¹⁰. Однако район Джакьякарты расположен над уровнем моря ниже Магеланга. Центральное и Южное Кеду — равнина, расположенная на том же уровне, что и Джокьякарта. Это отделяет указанный район от Вонособо и Магеланга. Таким образом, административное деление на кабупатены географически оправдано.

Анализ должен был показать, сопоставимы ли эти географические районы с неразделенными районами – резидентства – по числу найденных надписей и выраженности общих тенденций эпиграфического массива. Все дальнейшее исследование показывает правомерность принятого деления (сопоставимость всех рассматриваемых районов по этим критериям).

Всего сфера распространения надписей покрывает собой 10 районов. Ниже они обозначаются нами так: 1.1 – Вонособо;

Таблица № 2

Пространственно-временное распределение надписей

(При расчетах процента во всех таблицах округлялись дроби, поэтому в некоторых случаях общая сумма процентов может составить 99 или 101)

Область	Индекс	Район	Период									
			первый (до 841)		Второй (842 – 882)		Переходный (883 – 898)		Третий (899 – 928)		Итого	
			число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Центральная Ява	I.1	Воногобо	1	10	3	8	–	–	1	3	5	6
	I.2	Теманггунг	2	20	5	13	–	–	–	–	7	8
	I.3	Мягеланг	2	20	11	29	1	17	–	–	14	17
	I.4	Центральное и Южное Кеду	2	20	2	5	2	33	5	18	11	13
	I.5	Джокьякарта	2	20	14	37	–	–	11	40	27	33
	I.6	Суракарта	–	–	3	8	1	17	3	11	7	8
Восточная Явы	II.1	Медиун	–	–	–	–	–	–	2	7	2	3
	II.2	Кедири	–	–	–	–	–	–	2	7	2	3
	II.3	Сурабайя	–	–	–	–	–	–	2	7	2	3
	II.4	Маланг	1	10	–	–	2	3,3	2	7	5	6

¹⁰ Эту близость подтверждает и то, что Магеланг и Джокьякарту принято считать одним земледельческим районом [4, с. 183].

Итого	10	100	38	100	6	100	28	100	82	100
-------	----	-----	----	-----	---	-----	----	-----	----	-----

I.2 – Темамггунг; I.3 – Магеланг; I.4 – Центральное и Южное Кеду; I.5 – Джокьякарта; I.6 – Суракарта; II.1 – Мадун; II.2 – Кедири; II. – — Сурабайя; II.4 – Маланг. Районы I.1 – 1.6 относятся к Центральной Яве, районы II.1 – II.4 – к Восточной Яве, но и те и другие занимают лишь часть Центральной и Восточной Явы. На Центральной Яве надписи встречаются, собственно, в ее юго-восточной части, между горными хребтами на севере и морским побережьем на участке между Пурвореджо и восточной границей Особого района Джокьякарта на юге. В основном земледелие здесь связано с реками, текущими на юг, особенно с крупнейшей из них – Прого, в небольшой же части – с верховьями р. Соло. На Восточной Яве надписи этой эпохи распространены в долинах р. Брантаса и в меньшей степени р.Соло, т. е. в основных аграрных районах современной Явы. Таким образом, надписи характерны для двух естественных экономико-географических областей, центральной и восточной, достаточно четко ограниченных и разграниченных. Районы, на которые мы разделили эти области, также суть исторически сложившиеся территории.

Надписи распространены следующим образом: основная их масса сосредоточена в выделенной нами Центральной области, меньшая часть – в Восточной области. Обратившись к территориальному распределению надписей по периодам (табл. 2), мы видим, что надписи первого и второго периодов в принципе локализуются в Центральной области, в то время как в третьем периоде 28% надписей сосредоточено уже в Восточной области. Так географическое распределение подтверждает правомерность рассмотрения второго и третьего периодов как различных.

Если первый критерий – время – явно противопоставил первый период второму и третьему, то второй критерий – место – позволил столь же четко разграничить второй и третий периоды.

Обратимся к более детальному рассмотрению пространственных характеристик периодов.

В первом периоде ведущее место занимает Центральная область, кроме района I.6 на востоке. Налицо большая роль (50% надписей) ее северо-западных районов (I.2, I.1, I.4) по

сравнению с юго-восточными (I.5) (20% надписей)¹¹. Во втором периоде на первое место по интенсивности появления новых надписей выходят юго-восточные районы Центральной области; несмотря на это, наблюдается рост абсолютного числа надписей в северо-западных районах Центральной области; 29% надписей этого периода сосредоточено в промежуточном районе I.3.

Третий период характеризуется (при сохранении гегемонии Центральной области) падением интенсивности появления надписей в ее западных и северных районах и дальнейшим ростом интенсивности в южных и восточных, а также появлением значительного числа надписей в Восточной области (28% всех надписей периода). В Центральной области, в районе I.4, наблюдается абсолютный (не в процентном отношении к другим районам.) рост числа документов за счет освоения южных территорий, где ранее эпиграфика не встречалась (Пурвореджо). В то же время в районе I.5, тоже на юге, сосредоточено уже 40% всех надписей периода и половина надписей Центральной области, а в районе I.6 – еще 11% надписей, в районе же I.1 - всего одна надпись, причем весьма специфическая (о чем будет сказано ниже), в районах I.2 и, I.3 надписей в третьем периоде нет. Основную роль, таким образом, играли юг и восток Центральной области, а ее старая часть – север и запад – потеряла свое значение; новая, перспективная Восточная область постепенно «усиливалась».

В Восточной области надписи равномерно распределялись по всем районам, что подтверждает перспективность в то время области в целом.

Итак, на протяжении второго и особенно третьего периода происходил постепенный сдвиг зоны экономической активности на юго-восток, появлялись надписи в новых районах и исчезали или уменьшались в числе в районах традиционных, что, видимо, подготавливало почву для перехода гегемонии к Восточной области. Политически эта гегемония реализовалась после 928 г., по окончании третьего периода.

Материал. Цель изучения материала, на котором, выполнены надписи, – выявить наиболее массовые категории материала и временное и географическое распределение различных категорий. Как было отмечено выше. эти признаки отражают специфику культуры определенных периодов или районов или определенных типов документов.

¹¹ Район I.3 (20% надписей) целесообразно считать промежуточным между северо-западными и юго-восточными районами Центральной области. По своему местонахождению он относится к северо-западным районам, но по природным условиям, близок к юго-восточному району I.5.

Для материала яванских надписей этого времени характерны следующие основные категории: надписи на камне (40% всего массива) и надписи на медных табличках (42% массива). Остальные надписи (группа «прочие») – на межевых камнях, лингах¹², изделиях из драгоценных металлов — золотых и серебряных табличках, серебряном зонте, статуях (18% массива).

По наличию строго определенных видов надписей выделяется первый период, когда существовали только стелы; есть они и в последующих периодах. Надписи на медных табличках, хотя и стоят на первом месте по численности, не покрывают весь рассматриваемый временной отрезок, как и группа «прочие». Периоды характеризуются процентным соотношением трех групп (стелы, медные таблички, «прочие») (табл. 3).

Рассмотрим материал, на котором выполнены надписи, по периодам. В первом периоде единственным материалом является камень (100% эпиграфики). Однообразие материала характерно для раннего периода функционирования эпиграфики и

Материал	Период									
	Первый (до 841 г.)		Второй (642 – 882)		Переходный (853 – 898)		Третий (899 – 928)		Итого	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Камни (стелы)	11	100	17	36	4	40	12	29	43	40
Медные таблички	–	–	16	34	5	50	25	59	46	42
Межевые камни	–	–	10	21	1	10	–	–	11	10
Статуи	–	–	–	–	–	–	3	7		
Таблички из драгоценных металлов	–	–	–	–	–	–	2	5	2	2
Серебряный зонт	–	–	1	2	–	–	–	–	1	1
Линги	–	–	3	6	–	–	–	–	3	3
Итого	11	100	47	100	10	100	42	100	190	100

соответственно для раннего периода развития классового общества.

Во втором периоде процент надписей на камнях падает. Сразу в большом числе появляются медные таблички (16 надписей, 34% массива). Появляются новые материалы: межевые камни (21% массива), линги и серебряный зонт. Разнообразие видов материала

¹² Возможно, целесообразнее рассмотреть как особую группу линги и межевые камни (которые часто являются одновременно и лингами). Во втором периоде в большом числе появляются как линги, так и межевые камни. Те и другие в третьем периоде исчезают. Этот факт выделяет второй период как единственный в котором они играют роль в эпиграфике.

свидетельствует о разработанности различных форм документов и соответственно о развитии в обществе новых отношений, по сравнению с первым периодом.

В третьем периоде процент стел продолжает уменьшаться. Надписи на межевых камнях исчезают, за счет этого возрастает доля надписей на медных табличках. Исчезают линги, появляются надписи на статуях и золотых и серебряных табличках. Но малое число того и другого позволяет говорить лишь о том, что группа «прочие» возникает с увеличением общего массива; нет возможности проследить на материале этой группы какие-либо временные тенденции¹³.

Географическое распределение видов материала вновь подтверждает существование двух различных, хотя во многом и взаимосвязанных, областей – Центральной и Восточной. И в той и в другой области надписи выполнялись в основном на двух категориях материала: на медных табличках и на камнях (вместе эти виды материала составляют в каждой из двух рассматриваемых областей около 80% массива). Однако соотношение этих категорий в Центральной и Восточной областях различно. В первой из них наиболее массовый материал – медные таблички (17%), в то время как стелы составляют 32%. В Восточной области наиболее массовый материал – стелы (45%), а медные таблички составляют 36%¹⁴.

Заметно также большее разнообразие категорий материала в Центральной области (7 видов) по сравнению с Восточной (3 вида). Это свидетельствует о большей разработанности форм письменных документов в Центральной области в изучаемую эпоху.

Рассмотрим географическое распределение категорий материала по периодам.

Первый период не дает возможности для подробного анализа в силу однородности материала (камень).

Во втором периоде основных видов материала два: традиционный – камень и появляющийся в середине второго периода – медные таблички. Интересно, что стелы преобладают в северо-западных районах Центральной области, а на юго-востоке, в районе I.5 и близком к нему промежуточном районе I.3, наиболее часты надписи на медных

¹³ Однако при рассмотрении более позднего материала, анализ которого выходит за рамки этой работы, такие тенденции могут быть прослежены.

¹⁴ Малое число надписей в Восточной области (всего 11 в изучаемую нами эпоху) заставляет отнестись к данному соотношению с осторожностью, но обращение к более поздним данным дает возможность установить, что на определенных этапах функционирования эпиграфики в Восточной области наиболее массовым материалом являются именно стелы.

табличках. Видимо, преобладание нового, перспективного материала говорит о «социальной перспективности» юго-восточных районов Центральной области.

В районе I.5 значительную часть массива (36%) составляют надписи на межевых камнях и лингах (о близости этих категорий материала говорилось выше). Помимо этого района линги и межевые камни встречаются в незначительном числе в непосредственно граничащих с районом I.5 районах I.6 и I.3, что может свидетельствовать об определенной самобытности юго-восточных районов Центральной области. Отмеченное выше исчезновение липг и межевых камней в третьем периоде позволяет сделать вывод, что эти категории материала были характерны для юго-восточных районов Центральной области только во вполне определенный период, что, очевидно, связано с особенностями социально-экономической ситуации в этих районах во втором периоде изучаемой эпохи.

В третьем периоде, как уже отмечалось, резко возрастает процент медных табличек (59% всех надписей). Однако это происходит только за счет Центральной области, где таблички составляют 76% всех надписей (в Восточной области—50% всех надписей).

Только в Восточной области встречается такой специфический тип эпиграфики, как надписи на статуях.

Оба эти обстоятельства вновь говорят о специфике эпиграфики Восточной области.

Язык надписей. Цель изучения языковых характеристик – выделить языки, по преимуществу встреченные в эпиграфике, выяснить временные и географические тенденции в использовании тех или иных языков, определить сферу их взаимодополнения (совместного появления двух языков в одной надписи).

Использование в надписях того или иного языка обусловлено как этнически, так и функционально (выбор языка

Таблица №4

Язык надписей (временное распределение)

Язык	Период									
	Первый (до 841 г.)		Второй (842 – 882)		Переходный (833 – 898)		Третий (899 – 928)		Итого	
	Число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Санскрит	6	38	1	2	–	–	–	–	7	6
Древнеявский	3	18	42	94	7	100	42	100	94	86

Санскрит древнеяванский	и	11	6	2	4	–	–	–	–	3	3
Древнемалайский		6	38	–	–	–	–	–	–	6	5
Итого		16	100	45	100	7	100	42	100	110	100

зависит от того, является ли надпись хозяйственным или сакральным документом).

Эпиграфику по языковому признаку можно подразделить на четыре группы: одноязычные надписи – три разновидности (на санскрите, древнемалайском и древнеяванском) и двуязычные – одна разновидность (часть текста на санскрите, часть на древнеяванском). Резко преобладают одноязычные надписи, среди которых по-настоящему массовой является только древнеяванская группа (86%). Санскритскую и древнемалайскую группы нельзя назвать массовыми, хотя они преобладают в первом периоде.

Первые надписи (до начала IX в.) писались на санскрите или древнемалайском, затем (с начала IX в.) – на древнеяванском или на санскрите и древнеяванском (табл. 4, 5). Характерна тенденция увеличения числа надписей на древнеяванском (надписи с санскритским текстом практически исчезают в середине второго, а надписи на древнемалайском – в конце первого периода), который, будучи яванском основного населения, постепенно полностью вытесняет другие языки из эпиграфики, унифицируя ее. Для массива в целом надписи на древнеяванском наиболее типичны. Эти процессы настолько важны, что мы остановимся на них подробнее.

В первом периоде преобладали древнемалайские, санскритские и санскритско-яванские надписи. Интересно, что надписи на древнемалайском – наиболее древние для изучаемой области (исключая Западную Яву). Они встречаются только в первом периоде, а древнейшие из них палеографически датируются началом VII в. н. э. – раньше первых санскритских надписей на Центральной Яве.

Во втором периоде число надписей на древнеяванском резко возрастает и составляет 94% массива, 6% приходится на санскритско-яванские и санскритские надписи (последних – одна). Таким образом, можно рассматривать санскритско-яванские надписи как переходные к господству древнеяванского языка. Смешанных санскритско-яванских надписей вообще очень мало (в кхмерской эпиграфике, например, смешанных санскритско-кхмерские надписи распространены достаточно широко). Возможно, яванское общество,

где государственность возникла позже, чем в кхмероком, быстрее прошло архаический этап, для которого характерны смешанные надписи.

Процесс унификации языка эпиграфики завершается уже в середине второго периода, когда яванский язык проникает и в сакральную часть текста, вытесняя оттуда санскрит¹⁵.

В третьем периоде надписи на древнеяванском составляют 100% массива.

Сопоставление языка, эпиграфики с географическим распределением надписей позволяет заметить следующие закономерности: надписи на древнеяванском встречаются во всех районах; надписи на санскрите встречаются как в Центральной области (но только в районах I.3, I.4, I.5), так и в Восточной области (только в районе II.4); надписи на древнемалайском встречаются только в Центральной области (районы I.1, I.2, I.5).

Факт повсеместного распространения надписей на древнеяванском легко объяснить: это язык коренного населения Центральной и Восточной Явы. Достаточно широкое распространение надписей на санскрите (они встречаются и в Центральной и в Восточной областях) – еще одно свидетельство того, что санскрит на ранней стадии развития древнеяванского общества использовался им «как язык культуры. (Странно, однако, что надписи на санскрите не найдены пока в районе I.1, где находятся индуистские храмы плато Диенг.) Чрезвычайно важно, что древнемалайские надписи встречены только на Центральной Яве, что противопоставляет их и санскритским и древнеяванским надписям, распространенным повсеместно. Надписи на древнемалайском локализируются в единственном районе, где исторически возможно пребывание малайцев.

Сравнение языка и материала надписей позволяет отметить следующие особенности: яванские надписи выполнялись на всех известных нам категориях материала, санскритские же и малайские – только на камнях¹⁶.

О сакральном содержании всех надписей на санскрите говорилось выше; что же касается древнемалайских надписей с Суматры, то и содержание надписей, и их

¹⁵ Напомним, что для большинства надписей характерна сакральная и «деловая» части В двуязычных надписях на санскрите писалась именно сакральная часть. Примечательно, что в XI в. надписи на санскрите появляются вновь.

¹⁶ Возможно, это объясняется тем, что надписи на санскрите и древнемалайском относятся в основном к первому периоду, когда стелы составляли 100% массива. Однако и впоследствии (XI—XIV вв.) надписи на санскрите (на Яве и Суматре) и древнемалайском (на Суматре) выполнялись чаще всего на камнях или на статуях и имели сакральный характер.

малочисленность свидетельствуют о том, что эти надписи на камне, как правило, представляли собой не хозяйственные документы, а сакральные тексты. Это позволяет предположить, что степень сакрализации камня как материала для надписей выше, чем степень сакрализации медных табличек и соответственно степень

Таблица № 5

Сохранность надписей

(Переходный период не учитывается из-за малого числа надписей)

Материал	Период																			
	Период (до 841 г.)						Второй (842 – 882)						Третий (899 – 836)						Итого	
	хорошая		средняя		плохая		хорошая		средняя		плохая		хорошая		средняя		плохая			
	чис	%	чис	%	чис	%	чис	%	чис	%	чис	%	чис	%	чис	%	чис	%	чис	%'
ло		ло		ло		ло		ло		ло		ло		ло		ло		ло		
Камень	5	56	1	11	3	33	2	20	4	40	4	40	–	–	7	87	2	13	27	33
Медные таблички	–	–	–	–	–	–	10	53	5	26	4	21	9	39	9	39	5	22	42	52
Межевые камни	–	–	–	–	–	–	1	15	5	85	–	–	1	100	–	–	–	–	7	8
Статуи	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	50	1	50	–	–	9	3
Золотые и серебряные таблички	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	100	–	–	–	–	1	2
Серебряный зонт	–	–	–	–	–	–	1	100	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2
Линги	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	5	56	1	11	3	33	14	39	14	39	9	22	12	34	17	49	7	17	80	100

сакрализации надписей на санскрите и древнемалайском выше по сравнению с надписями на древнеяванском¹⁷.

¹⁷ Частным аспектом исследования, подкрепляющим некоторые наши выводы, является сохранность надписей. В целом сохранность улучшается с каждым более поздним периодом (в первом периоде плохо сохранившихся надписей всех категорий 40%, во втором

Общая характеристика периодов. Перейдем к интерпретации полученных результатов по периодам. Из приведенных данных видно, что тенденция развития эпиграфического массива объективно характеризует каждый из выделенных периодов как особый отрезок истории Явы. Получен, как будет показано ниже, и ряд новых сведений по истории этого времени. Часть из них подтверждает уже имеющиеся выводы, сделанные на основе других данных, часть позволяет отказаться от некоторых старых положений, часть дает возможность судить о таких аспектах жизни общества, которые вряд ли могли быть изучены при другом подходе.

Каковы же полученные характеристики периодов?

Первый период характеризуется наиболее архаичным обликом эпиграфического массива.

Число надписей невелико, видимо, как было отмечено выше, земельные операции или были редки, или не требовали фиксации.

Подавляющее большинство надписей локализуется только в одной из двух основных областей изучаемой территории – в Центральной (в Восточной – лишь одна надпись), по всем районам Центральной области надписи распределяются равномерно.

Оба обстоятельства могут считаться характеризующими ранний период развития классового общества на данной территории, поскольку классовые отношения охватили лишь часть будущего государства Матарам; в то же время внутри этой части еще не – 22, а в третьем – 15%). Постепенное уменьшение (по мере приближения к концу эпохи) числа поврежденных надписей свидетельствует о репрезентативности выборки (о ее случайности), постольку отражает правило (лучшая сохранность более поздних вещей). Однако у медных табличек сохранность в третьем периоде несколько хуже, чем во втором. Возможно, это связано с тем, что поздняя надпись в отличие от ранней была более длинной и, как правило, состояла из нескольких табличек, одна из которых легко могла быть утеряна (иногда вместе хранилось два фрагмента разных надписей) В этом случае сохранность считается плохой. Меняется, следовательно, само понятие плохой сохранности: для ранних надписей плохая сохранность – поврежденность одной таблички, для поздних – также и отсутствие одной из нескольких табличек.

В отличие, скажем, от кхмерской эпиграфики, где в иноэтнических районах (на территории, населенной впоследствии тайцами) сохранность надписей хуже, чем в кхмерских районах, на Яве нет районов, где сохранность надписей была бы хуже, чем в среднем по территории. Видимо, это связано с этнической однородностью и однокультурностью населения Центральной и Восточной Явы.

выделились районы, где значительная часть земель перешла в руки монастырей и светских владельцев.

Если рассматривать насыщенность надписями отдельных районов, нельзя не отметить внутри Центральной области большую роль северных и западных районов (Вонособо, Теманггунг, Центральное и Южное Кеду), где сосредоточено подавляющее большинство крупных храмов этого времени по сравнению с южными и восточными (Джокьякарта)¹⁸.

Единственный материал в первом периоде – камень. Однообразие материала – еще одно свидетельство раннего периода функционирования эпиграфики и соответственно раннего периода развития классового общества, еще не выработавшего той богатой «эпиграфической палитры», которую мы видим позднее.

Первый период – единственный, в котором язык основного населения (яванцев¹⁹) еще не стал основным языком надписей. Это и единственный период, в котором функционируют все языки и сочетания языков, выделенные эпиграфическом массиве в целом. Внутри первого периода наиболее древними являются надписи на древнемалайском и санскрите (надписи на древнеяванском появляются позже). Первые надписи на древнемалайском, судя по палеографическим датировкам, древнее первых санскритских; надписи на древнемалайском и исчезают быстрее (уже к концу первого периода). Как уже отмечалось, отношение древнеяванского языка к санскриту и древнемалайскому принципиально различно: с санскритом древнеяванский образовывал смешанные надписи, а с древнемалайским – нет. Возможно, малайский язык прочно ассоциировался с чуждым яванцам малайским этносом, что затрудняло его использование в надписях яванцев. Санскрит же, видимо, не вызывал этнических ассоциаций и воспринимался как общий язык религии и культуры.

Напомним, что, по данным топонимики, именно малайский этносом было создано на западе острова наиболее древнее на Яве государство Тарума с его санскритоязычной эпиграфикой середины V в. [3].

Все изложенное позволяет предположить, что у малайского этноса в силу каких-то внутренних причин государственность (одним из признаков которой является наличие

¹⁸ Магеланг считается промежуточным районом, в Суракарте надписей в первом периоде нет.

¹⁹ Под «яванцами» понимаются не все жители о-ва Ява, а этнос «яванцы», населяющий только Центральную к Восточную Яву, в то время как Западную Яву в описываемый период населяли сунданцы и малайцы.

письменности) возникла раньше, чем у яванского (об этом свидетельствуют и данные неиндонезийских источников). И впоследствии древнемалайское государство Шривиджайя на Суматре пыталось распространить свое влияние не только на районы, населенные малайцами, но и на территории, населенные яванцами²⁰. Судя по наличию указанных выше надписей на древнемалайском, малайцам удалось на какое-то время закрепиться на Центральной Яве²¹, населённой яванцами (об исконном проживании яванцев на этой территории и об относительно позднем проникновении туда малайцев говорит отсутствие характерных древнемалайских топонимов в яванской топонимике этого района [3]).

Однако существование малайцев на Центральной Яве как самостоятельного этноса было, видимо, относительно недолгим: надписи на древнемалайском вскоре исчезают. Малайцы или были ассимилированы яванцами, или покинули Яву, или по каким-то причинам отказались от создания собственных надписей. Как было показано выше, малайская эпиграфика с ее сакральным характером была ориентирована скорее на высшие слои общества, чем на его основную массу. В некоторых санскритских надписях (например, с плато Рату Боко) и малайских (из Соджомерто) встречается имя Шайлендра (вариант – Селендра). Можно считать, что время господства санскритско-малайской эпиграфики внутри первого периода – время наиболее эффективной власти Шайлендров на Центральной Яве. Начало и конец этого господства – начало и конец династии Шайлендров. Точные даты установлены быть не могут, но вряд ли будут существенно отстоять от предложенных эпиграфикой рамок²².

Враждебные по крайней мере временами, отношения яванцев и малайцев этот период²³ помешали, по-видимому, использованию древнемалайского языка в яванских надписях. Яванцы на раннем этапе использовали санскрит (о том, что это не были надписи малайцев, говорят вкрапления яванских терминов²⁴). Этот факт свидетельствует и о том,

²⁰ В надписи из Кота Капур (686 г.) упоминается отправка войск в страну Джава (Ява), которая ре подчинилась Шривиджайе.

²¹ Это время хорошо известно в литературе как время правления династии Шайлендров, данные о связях которых со Шривиджайей, где также существовала династия Шайлендров, достаточно обширны.

²² Традиционно считалось, что правление Шайлендров на Яве охватывает период со второй половины VIII в. приблизительно до середины IX в. Открытие Бухари[18], обнаружившего и опубликовавшего надпись начала VII в. на малайском языке, позволяет отодвинуть нижнюю границу именно к этому времени.

²³ См. примеч. 20.

²⁴ См. надпись из Каласан, 778 г.. строка 4 [13].

что санскрит и, шире, санскритская культура не были навязаны яванцам: восприятие этой культуры определялось внутренними потребностями общества. Если малайцы, несмотря на документально зафиксированное политическое и военное присутствие на Центральной Яве, не смогли навязать местному населению свой язык в качестве языка государственных документов, то маловероятно, что это могли сделать индийцы; нет никаких данных об их пребывании на Яве, и, кроме того, у них не было в непосредственной близости от Явы такой мощной базы, как у малайцев (государство Шривиджайя). В конце первого периода надписи на санскрите сменяются надписями на древнеяванском, что, очевидно, связано с определенными изменениями в социально-экономической неполитической сферах.

Второй период характеризуется значительными изменениями. Резко увеличивается интенсивность появления новых надписей (число надписей на год в II раз выше, чем в первом периоде). Это свидетельствует об интенсификации процесса передачи земли от одних владельцев другим. Возросшая интенсивность появления новых надписей – один из фактов, позволяющих провести грань между первым и вторым периодами.

Возрастание интенсивности затронуло те районы Центральной области, где надписи начали появляться еще в первом периоде. Число районов Центральной области, имеющих эпиграфические памятники, возросло за счет Суракарты. Наиболее интенсивный рост мы наблюдаем в срединном районе Магеланг и в юго-восточных районах Джокьякарта и Суракарта. Таким образом, зоны наиболее интенсивного перераспределения земельного фонда постепенно перемещаются в юго-восточные районы Центральной области. Причиной этого могли быть неблагоприятные для расширения земельных угодий природные условия северо-западных районов (горы и плоскогорья). Во-первых, во втором периоде наблюдалось распространение земледелия на север до естественных границ (горные хребты), причем и за счет отдельных малоплодородных горных областей на северо-западе. Тем самым движение в этом направлении было закончено. Во-вторых, можно констатировать более перспективное движение на восток, подготавливавшее выход в долины Соло и Брантаса.

В Восточной области надписей второго периода нет.

Во втором периоде появляются новые категории материала, в том числе исторически перспективные и массовые (медные таблички). Рост разнообразия используемых материалов, бесспорно, свидетельствует об усложнении культурной и социальной ситуации.

На протяжении второго периода древнеяванский язык вытесняет из эпиграфики санскрит и древнемалайский. Таким образом, во втором периоде реализуется тенденция к унификации языка эпиграфики и происходит переход к использованию в качестве языка культа и государственных документов языка основного населения (тем самым расширялась сфера воздействия эпиграфики). Это важнейший рубеж в развитии яванской культуры. Отметим, что эпиграфика других стран Юго-Восточной Азии гораздо позже приходит к подобному почти полному отказу от использования в документах чужого языка.

Переходный период не дает возможности произвести статистический подсчет из-за малого числа надписей, однако происшедший на протяжении данного периода упадок числа документов позволяет считать переходный период временем децентрализации и нестабильности. Как уже отметил на сходном материале один из авторов, «период максимального упадка дарений... совпадает со временем максимального подъема внутренних усобиц» [2]. Это подтверждает и анализ текстов надписей. Упадок эпиграфики начинается сразу после смерти правившего около 20 лет махараджи Локапалы; за 15 лет всеми надписях упоминаются имена трех правителей.

В третьем периоде продолжают развиваться тенденции второго периода. Это также развитое общество с большим числом документов. Интенсивность появления надписей (столь же высокая, как и во втором периоде) по-прежнему неодинакова в различных районах. В северо-западных горных районах Центральной области (Вонособо и Теманггунг) интенсивность перераспределения земель слабеет; только в Центральном и Южном Кеду происходит еще рост числа надписей за счет попыток освоения новых плодородных областей на юго-западе (Пурвореджо), где ранее эпиграфика не встречалась²⁵. В срединном районе Центральной области – Магеланге – вообще нет надписей. В то же время в юго-восточных районах Центральной области локализуется уже 51% всех надписей периода.

Происходит дальнейшее расширение зоны дарений» на восток за пределы Центральной области, в долины Соло и Брантаса. Почти треть (28%) всех надписей третьего периода сосредоточена в Восточной области. Равномерность распределения надписей по районам свидетельствует о перспективности развития Восточной области, где каждый район был источником земельных раздач. В третьем периоде возрастает доля надписей на

²⁵ В Темгиггунге надписей в третьем периоде нет, в Вонособо – одна надпись, причем во многом уникальная, посвященная не экономической операции, а ритуальному жертвоприношению (найдена в районе индуистских храмов плато Диенг, выполнена на золотой и серебряной табличках).

медных табличках. падает доля стел и межевых камней, однако установить причины этого на данном уровне наших знаний не представляется возможным. Появляется такая новая категория материала надписей, как статуи. На основании имеющихся данных мы можем утверждать, что эта категория характерна для Восточной области; рассмотрение более поздних надписей позволило точнее очертить ареал такого вида материала (в основном район Кедири).

Первые по времени надписи третьего периода в Восточной области выполнялись на медных табличках, что говорит о влиянии административных норм Центральной области (наиболее массовым материалом в Восточной области является камень). Видимо, первое время после включения Восточной области в состав центральнаяванского государства Матарам, о чем свидетельствуют упоминания одних и тех же монархов в центральнаяванских и восточнаяванских надписях, она оставалась периферийной по отношению к старому центру, несмотря на свою важную политическую роль.

Вскоре, однако, на Восточной Яве побеждает самобытная традиция. С начала X в. там появляются стелы (редкие к этому времени стелы Центральной Явы вряд ли могли быть прообразом восточнаяванских), отсутствующие на Центральной Яве надписи на статуях.

Все надписи третьего периода выполнены на древняяванском языке.

Итак, применяемая методика позволила: предложить приблизительную периодизацию раннего этапа яванской истории, который был разделен на четыре периода (три основных и один переходный); выделить экономические районы, наиболее важные как с точки зрения интенсивности появления надписей, так и с точки зрения аграрного развития. Была выявлена основная тенденция, действовавшая во втором и третьем периодах: сдвиг зоны аграрной деятельности и земельных раздач на юго-восток и восток – из долины Прого в долины Брантаса и отчасти Соло.

Этот сдвиг связан с изменениями в политической ситуации на Яве. Как показал Р. Хорис [10], махараджа Балнтунг, воцарением которого в 899 г. после пятнадцати лет смуты начинается новая династия (и третий, выделенный нами по повышению интенсивности производства документов период ранне-средневековой истории Явы), был до объединения Центральной и Восточной Явы восточнаяванским правителем²⁶. Однако в первые годы правления этой, восточнаяванской по происхождению, династии Восточная Ява еще не

²⁶ Возможно, одной из причин междоусобиц и была борьба между Центрально-восточными яванскими претендентами за престол.

могла стать центром крупного государства. Балитунг и его преемники подчеркивали свою преемственность по отношению к прежней центрально- яванской династии (в надписи 907 г. из Мантьясих он прямо называет себя потомком Санджайи, основателя династии Матарама), обосновывая этим свои права на престол. Естественно, в то же время, что опорой династии Балитунга оставался восток и по мере развития и укрепления восточно- яванских районов они играли все большую роль в государстве²⁷.

Если сопоставить эти данные с нашими выводами, становится очевидным, что перенос по завершении третьего периода (929 г.) политического центра яванского государства на Восточную Яву не был неожиданным. Он был подготовлен ходом исторического развития и обусловлен рядом причин, как объективных – центр государства был перемещен в районы, наиболее перспективные с точки зрения земельных раздач служилым феодалам²⁸, так и субъективных – правление восточной яванской династии. Столь же объективно обусловленным, судя по тесным связям эпиграфики второго и третьего периодов, было стремление Балитунга подчеркнуть свою преемственность по отношению к центрально-яванской династии. Если обратиться к более поздним данным, мы увидим, что перенос столицы на Восточную Яву, в свою очередь, стимулировал после 928 г. резкое увеличение числа эпиграфических документов в Восточной области и их полное исчезновение в Центральной области. Вплоть до XVI в. эта область не была сколько-нибудь заметным политическим центром, и эпиграфика там была крайне немногочисленна. Итак, даже при частичном анализе эпиграфического массива VII – X вв. стали видны мотивы перемещения центра экономической и политической активности древнеяванского государства с Центральной Явы на Восточную (постепенное перемещение зоны земельных раздач); тем самым это перемещение перестает быть политическим феноменом. Стало возможным выявление ряда процессов в истории культуры, аграрных отношений этнических контактов, отдельных фактов политической истории. Полученные данные частично дают надежные (при определенной степени исследованности) оценки ряда процессов (языковая ситуация, межэтнические контакты и т.д.), а частично описывают отдельные стороны других процессов, более детальное изучение которых будет проведено на следующем этапе, при исследовании полных текстов надписей. Оно позволит определить

²⁷ Впервые это заметил и обосновал Р. Хорис [10, с. 205].

²⁸ На Восточной Яве принято выделять три основных земледельческих района: Мадун, Кедеи и Маланг; во всех трех районах есть надписи третьего периода, следовательно, они были освоены все, и достаточно быстро.

формы, земельных отношений, описать основные социальные группы, связанные с ними, и т. д., но, естественно, не изменит тех выводов о перемещении зон преимущественной экономической активности и основных этапах этого перемещения, которые, как представляется авторам, могут быть сделаны только при изучении указанных черт эпиграфического массива.

1. Бессмертный Ю. Л. (Реи. на:) Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI – XII вв. М., 1974; он же. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI – XII вв. Ереван, 1975. – «Историко-филологический журнал», 1976, № 2.

2. Деопик Д. В. Проблемы методики исследования эпиграфического комплекса применительно к задачам социально-экономического анализа (на материале бирманской эпиграфики) – «Вестник МГУ». 1977, №2.

3. Деопик Д.В., Членов М. А. Топонимические детерминативы куала и муара как источник по этнической истории малайцев. – Этнография имен. М. 1971.

4. Добби Э. Юго-Восточная Азия. М.. 1952.

5. Миронов Б. Н. Проверка надежности статистических данных в исторических исследованиях методами математической статистики. – Вспомогательные исторические дисциплины. Л.. 1974.

6. Смирнов Н. В., Дунин–Барковский И. В. Курс теории вероятностей и математической статистики для технических приложений. М. 1965

7. Boehari. Epigraphy and Indonesian Historiography. – An Introduction to Indonesian Historiography. Ithaca. 1965.

8. Buchari, Preliminary Report on the Discovery of an Old-Malay Inscriptions: Sodomerto. – Madjalah ilmu-ilmu sastra Indonesia, October 1966? Djilid 3, № 283.

9. Damais L.-Ch. Etudes d'epigraphie indonésienne. Liste des principales inscriptions datées de l'Indonésie. – Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient, 1952, fasc.1.

10. Goris R. De eenheid der Mataramsche dynastie. – Feestbundel uitgegeven door het Koninklijk Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen bij gelegenheid van zijn 150 jarig 1778 – 1928, Deel I Weltevreden, 1929.

11. Kern H. Verspreide Geschriften, delen 6 – 7. 's-Gravenhage, 1917 – 1918.

12. Krom N. J. Gedateerde inscripties van Java. –Tijdschrift voor Indische Taal-, Land-, en Volkenkunde. Deel 43. Batavia, 1911.

13. Sarkar H. B. Corpus of the inscriptionum of Java (Corpus inscriptiones javanicarum). Vol. 1 –2. Calcutta. 1971 – 1972.

14. Soekarto Kartoatmodjo M. The Discovery of Three New Inscriptions in the District of Klaten (South Central Java). – Berita Lembaga Purbakala dan Peninggalan Nasional. Bulletin of the Archaeological Institute of the Republic of Indonesia. № 8. Djakarta, 1969.

Опубликовано в сб-ке «Этническая история Восточной и Юго-Восточной Азии», М. 197.. , с. 279-301